

УДК 821.161.1-1(Заболоцкий Н.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,445

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.08

Т. Н. Маркова
Челябинск, Россия

«Кавер-версии» стихотворения Н. Заболоцкого «Некрасивая девочка» как способ диалога с советской культурой

Аннотация. Предметом статьи является творческая рецепция советской поэтической классики, приобретающая формы напряженного, остро полемического диалога с советской культурой в целом. В статье предлагается анализ творческого эксперимента, осуществленного в рамках поэтической программы фестиваля современного искусства «Дебаркадер» (Челябинск 2017). В проекте приняли участие 32 поэта, приславшие авторские креативные рецепции стихотворения Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка». «Кавер-версии» перевели проект из игровой плоскости в область серьезной филологической рефлексии, в центре которой оказался многообразный опыт взаимодействия с укорененным в культуре текстом, его влияние на личный житейский и поэтический опыт наших современников, его творческое переосмысление. Сюжет стихотворения Заболоцкого, его нравственно-эстетический посыл и сам автор воспринимаются поэтами XXI века как воплощение отвергнутой ими советской идеологии, этики и эстетики, культуры и литературы.

Поэт Данила Давыдов демонстрирует отторжение от дидактизма и двумерности советской эпохи и дистанцируется от прошлого с чувством превосходства человека нового тысячелетия, нового исторического знания. Кавер-версия Александра Гаврилова «Камень» разворачивается в картину, включенную в историко-литературный контекст. Беспощадному осуждению подвергается конформизм деятелей советской культуры.

Женские стихи проекта в большинстве демонстрируют индивидуальные варианты воплощения подросткового комплекса гадкого утенка — некрасивой девочки, осложненные деталями жестокого исторического опыта поколения 1980-90-х годов.

Вновь создаваемые кавер-тексты, переосмысливая исходные, содержащиеся в нем концепты и «шум времени» в свете собственного опыта и личной аксиологии, неизбежно оказываются в пространстве культурного диалога / полилога, в котором и обретают свое место, собственную ценность.

Ключевые слова: кавер-версии; советская культура; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; фестивали.

T. N. Markova
Chelyabinsk, Russia

Cover Versions of N. Zabolotsky's Poem «Ugly Girl» as Dialogue with Soviet Culture

Abstract. The article focuses on the creative reception of works of Soviet poetic classics, which takes on the forms of intense and highly polemical dialogue with the Soviet culture as a whole. The article offers an analysis of a creative experiment carried out within the framework of the poetry program of the festival of contemporary art «Debarkader» (Chelyabinsk, 2017). 32 poets took part in the project. They sent authored creative receptions of Nikolai Zabolotsky's poem «Ugly Girl». The cover versions translated the project from the plane of game into the field of serious philological reflection, in the center of which there was a diverse experience of interaction with the text rooted in culture, its influence on the personal everyday and poetic experience of our contemporaries, and its creative understanding. The plot of Zabolotsky's poem, its moral and aesthetic message and the author himself are perceived by the poets of the 21st century as the embodiment of the rejected Soviet ideology, ethics and aesthetics, culture and literature.

The poet Danila Davydov demonstrates the rejection of didacticism and the two-dimensionality of the Soviet era and distances himself from the past with the sense of superiority of man of the new millennium, new historical knowledge. The cover version of Alexander Gavrilov «The Stone» unfolds itself into a picture included in the historical-literary context. The conformism of the figures of Soviet culture is ruthlessly condemned.

Female project verses, in the majority, demonstrate individual versions of the teenage complex of the ugly duckling — an ugly girl; these versions are complicated by details of the brutal historical experience of the generation of the 1980s and 90s.

The newly created cover texts, rethinking the original concepts and the «noise of time» in the light of their own experience and personal axiology, inevitably find themselves in the space of a cultural dialogue/polylogue, in which they find their place, and acquire their own value.

Keywords: cover versions; soviet culture; Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; festivals.

Предметом статьи является творческая рецепция советской поэтической классики, приобретающая формы напряженного, остро полемического диалога с советской культурой в целом. «Кавер-версия»¹ — это игровой фестиваль-проект, главное событие поэтической программы фестиваля современного искусства «Дебаркадер», проходившего в Челябинске осенью 2017 года².

¹ Английское «cover» означает «покрытие», так принято называть произведение, получившее новую интерпретацию в исполнении / прочтении другого музыканта / поэта [Маниченко [http](http://)].

² См.: Нарратив & дискурс. URL: <http://wap.intertraditionale.forum24.ru> (дата обращения: 13.01.2018).

Приглашая к участию в проекте, автор идеи Александр Маниченко предложил поэтам написать свою версию известного стихотворения Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка» (1955). «Пересказ своими словами» по образцу *Silentium* Тютчева и *Mandelstam* или *Exegi monumentum* Горация — Державина — Пушкина, по его мнению, позволит увидеть, как тексты взаимодействуют сегодня: «чем рождаются, а что добавляет оригинальности и ценности; как зародыш сюжета, содержащийся в исходнике, становится полноценной историей, какими деталями и смыслами обрастает, а что, наоборот, утрачивает» [Маниченко [http](http://)].

«Некрасивая девочка» Заболоцкого была взята в качестве отправной точки эксперимента по ряду причин. Во-первых, это хрестоматийно известный

текст, который читали практически все (и, как оказалось, у всех участников проекта к нему очень личное, весьма неоднозначное отношение). Внутренний сюжет стихотворения предоставляет возможность его деконструкции¹. И наконец, исторический опыт новых поколений, учитывая полувековую временную дистанцию, с неизбежностью должен отразиться на восприятии и интерпретации произведения.

Присланные в электронном виде почти три десятка кавер-версий из Москвы, Екатеринбурга и Челябинска были переданы ученым специалистам с предложением проанализировать получившийся корпус текстов². Так проект из игровой плоскости перешел в область серьезной филологической рефлексии, в центре которой оказались многообразные формы авторской креативной рецепции известного стихотворения.

В последние годы в академической науке сформировался новый взгляд на позднее творчество Заболоцкого. Назовем работы И. Е. Лощилова [Лощилов 2008; Лощилов 2014], в частности статью в «Русской речи», содержащую гипотезу о намеренном «переписывании» Заболоцким некогда популярного, но основательно забытого к середине 1950-х годов стихотворения С. Я. Надсона «Дурнушка» (1883) [Лощилов 2008].

Развивая герменевтический подход, другой исследователь в свою очередь указывает на программное стихотворение Е. А. Баратынского «Не ослеплен я музою моей...» (1829). В статье А. В. Саломатина читаем: «Юноши, не желающие бежать за музой влюбленно толпою, трансформируются в мальчишек на велосипедах, игнорирующих охваченную счастьем бытия дурнушку; неумение прельщаться изысканным убором оборачивается худой рубашонкой, заправленной в трусы, и рассыпанными рыжеватыми колечками кудрей...» [Саломатин 2014: 111–112].

Эти отдаленные контексты, по мнению ученых, «свидетельствуют о развитии и усложнении приемов тайнописи, присутствующих как в ранних, так и в поздних стихах Заболоцкого» [Лощилов 2014: 80]. Поэт продолжает начатые в «Столбцах» стилистические эксперименты, которые в поздний период приобретают характер сознательной ориентации на дидактическую поэзию и откровенную графоманию: «Мнимая простота и гладкость поздних текстов — результат не “перевоспитания” автора, а усложнения индивидуальной поэтики, отказа от броской демонстративности приема, но не от самого приема» [Саломатин 2014: 106–107].

Однако вернемся к вопросу о творческом переосмыслении прочно укорененного в культуре текста и его влияния на поэтический опыт наших современников. Солидаризируясь с И. Н. Сухих, подчеркнем, что в эпоху постмодернизма классическое произведение нередко становится «безличным фрагментом интертекста, с которым можно лишь

играть, цитировать его, не ставя вопроса ни о правде, ни об истине» [Сухих 2013: 588].

Сюжет стихотворения Н. Заболоцкого, его нравственно-эстетический посыл, да и сама личность автора зачастую воспринимаются современными поэтами как воплощение отвергнутой ими советской идеологии, этики и эстетики, культуры и литературы. Впрочем, в этом отторжении отчетливо проявляются — в разных тональностях и с разной степенью экспрессии — индивидуально-авторские стилистические эксперименты.

Из представленных в проекте текстов выделим наиболее репрезентативные — симметрично три мужских и три женских (гендерные отличия проявились в кавер-версиях достаточно отчетливо).

Данила Давыдов ведет отстраненно-философское, подчеркнуто интеллектуальное рассуждение — «По мотивам “Некрасивой девочки”»:

*в некоем мире считается что
мир спасет красота, и каждый ее понимает
разными способами. мы, если что
плохо относимся к тем, кто играет
в игры по принципу «внешнее — внутреннее»,
в принцип уверовал, будто бы есть
нечто свое. рекомендуем прочесть
ряд сочинений, написанных на заре
нашего с вами мироустройства,
скажем, стихотворение эн
заболоцкого, где внешний образ
ставится под вопрос,
важным оказывается ноумен,
некий неуловимый огонь без свойств,
преображающий будто бы нас.
<...>
нет диалектики в бинаризме,
но это понимаем лишь мы, нейросеть,
на предыдущих этапах жизни
сходные вопросы могли в воздухе лишь висеть.
впрочем, должное отдадим сочинителю древних времен:
его мозг был правильно воспален³*

Обращает внимание сознательный отказ автора от заглавных букв в начале строк, в начале предложения и даже в имени собственном, при этом безупречно расставлены все знаки препинания. Строки и строфы в стихе разного объема, то есть мы имеем дело с неклассическим — интонационно-фразовым стихом.

В содержательном плане Давыдов демонстративно подчеркивает полное отторжение от дидактизма и двумерности советской эпохи («нет диалектики в бинаризме»), и, отдавая должное «сочинителю древних времен», дистанцируется от прошлого с чувством превосходства человека нового тысячелетия («мы, нейросеть»), нового исторического знания: «на предыдущих этапах жизни сходные вопросы могли в воздухе лишь висеть».

Сергей Ивкин, «поэт силлабо-тонической школы», по определению Е. Степанова, «поэт постреволюционного катарсиса» [Антология СУП 2011: 312], напротив, стремится передать читателю свое восхищение поэзией классиков и современников. Он

¹ Заметим, выступлению поэтов на фестивале предшествовала теоретическая дискуссия «Как нам деконструировать / реконструировать нарратив?»

² Тексты находятся в личном архиве автора статьи. Публикация готовится А. Гавриловым.

³ Здесь и далее цит. по текстам из личного архива автора статьи.

не скрывает тоски по утерянному классическому Заболоцкому, по почти забытой, но не отвергнутой традиции.

В его кавер-версии проблема красоты внешней и внутренней предстает не только в духовном, но и в психофизиологическом аспекте, когда достаточно звучания речи, касания руки — и жалость превращается в острое желание. Поэта волнует иррациональная природа любви-жалости, любви-страсти:

*Быть может, внешность — это только клеть?
А у души есть грациозность лани?
Что жжет тебя? Желание жалеть?
Иль жалость, пробудившая желанье?*

Кавер-версия Александра Гаврилова «Камень» разворачивается в «трехмерную» картину, включенную в объемный историко-литературный контекст. Широко известные строчки стихов Николая Заболоцкого, предьявляемые как лозунговые клише, перелбиваются фрагментами из «Истории моего заключения», скандальными фактами биографии английского классика Джерома Сэлинджера о его связи с Джойс Мейнард, девочкой с обложки New York Times Magazine (Ему пятьдесят три, ей восемнадцать). Самый текст первоисточника Гаврилов буквально расчленяет на элементы, препарируя их демонстративно рационально:

*Девочка, похожая на лягушку.
Чем — непонятно.
Два велосипеда.
Почему два?
Обнаженная цепочка банальностей:
Пламень чистый.
Сердце не игрушка.
Боль один переболит.
Худая рубашонка.
<...>
Бедная дурнушка
Богатая дурнушка
Дурнушка среднего достатка
Достаточная дурнушка*

В этой кавер-версии очевидна тенденция к устному, т. н. «живому» стиху, отсюда перемежающаяся стихотворная и прозаическая речь со множеством просторечных и бранных слов.

Обструкция, которой подвергается в этом стихотворении Заболоцкий, объясняется, как нам это представляется, тем, что поэт-авангардист, автор «Торжества земледелия», друг Хармса, поклонник Брейгеля, сломленный тюрьмой, становится хрестоматийным советским поэтом, «любимым юношеством и крестьянством».

*Сложных стихов не писал.
Боялся обвинят в формализме.
Про душу стихов не писал
Боялся — в идеализме*

Там, где ученые филологи усматривают проявления «глубинной эволюции метода» Заболоцкого [Лощилов 2014: 75], поэт и критик А. Гаврилов видит основания для вынесения беспощадного приговора конформизму деятелей советской культуры,

капитулировавших перед унификацией: *Вышли литературы худые и пожрали всех литератур*. По его утверждению, в конце жизни поэт, воспевавший красоту души, «удивительно напоминал обрюзгшую жабу в круглых очках. Или сосуд скудельный».

Женские стихи проекта «Кавер-версия» в большинстве демонстрируют индивидуальные варианты воплощения подросткового комплекса гадкого утенка — некрасивой девочкой, осложненные, однако, деталями жестокого исторического опыта поколения 1980–90-х годов. Они впускают свой актуальный житейский опыт в поэтический текст.

Так, у Янины Вишневецкой читаем: «Я была настоящей уродливой, отталкивающей, чудовищной девочкой», «безобразная, неприглядная, отвергательная». Но именно эта некрасивость обернулась спасением, потому что красивые попали в жернова индустрии / рынка Красоты, а потом — в бьюти-зак, за решетку или того хуже. Красота в очередной раз никого не спасла.

Личностный опыт выстраивает собственную картину жизни, и строит ее не только из событий, но из надвременных, надсобытийных категорий — образов, понятий. Индивидуальное сознание формирует свой словарь, свой тезаурус, который охватывает содержание жизни в объеме памятного именно ему бытия.

Автобиографическая рефлексия Оксаны Васякиной (я была тучная и некрасивая девушка 17-ти лет) содержит личную историю непоступления в театральный институт, в частности из-за забытых строчек стихотворения Заболоцкого:

*и я шла и повторяла «но что есть красота»
и видела как в акации старый извращенец мастурбирует с закрытыми глазами
я проходила мимо морга
и повторяла «младенческая грация»
и чувствовала как веет из решетчатых окон трупным запахом*

Для описания мира, ставшего объектом преступления и поругания, не подходят слова классической поэзии, ими невозможно говорить о травмах сегодняшнего дня. Поэтому детализация маргинального быта в этом стихотворении достигает предельной концентрации: трупный запах морга, мастурбирующий извращенец и т. п. Автор ведет игру на понижение до полной дискредитации, делая в итоге эпатазирующее заявление: «считаю, что стихотворение заболоцкого со всеми его замашками на рассуждение о красоте на самом деле педофильское стихотворение». Но каким бы «низкоэстетичным» ни было произведение, оно заслуживает научного осмысления, т. к. демонстрирует модификации и вариативность классического в пределах вновь создаваемого текста.

Глубоко трагичной нам представляется кавер-версия Натальи Санниковой. С одной стороны, здесь как бы уже знакомое изживание подросткового комплекса и поколенческого опыта. Но читаемся:

*некрасивыми девочками не рождаются,
ими становятся — благодаря родителям
и первой учительнице,
и второй учительнице,*

*и хихикающим одноклассникам,
и скрипичному футляру,
и зеленой записной книжке,
которую нельзя никому показывать.*

Наталья Санникова, по справедливому замечанию Е. Сидорова, «демонстрирует безусловную сугубо индивидуальную интонацию, которая в сочетании с умным, по-настоящему филологическим взглядом автора на собственные стихи дает возможность говорить об оригинальной поэтике» [Сидоров 2003]. Ее рефлексия — «бесконечно длинная», «безнадежно долгая». Плотность ее текста, как пишет М. Загидуллина, представляет собой «пристанище» щемящей боли — какого-то неизбывного и непокидаемого вчера» [Антология СУП 2011: 339].

*некрасивые девочки девяностых
родились в то самое время,
когда некрасивые девочки семидесятых
просыпались от голода
или звуков ночной перестрелки,
плакали в очереди на молочную кухню,
читали «лолиту» и кастанеду,
хоронили отцов и братьев*

Это фантомные боли прошлого, понимание вступую потраченного времени и усилий. И все же ее взгляд — это взгляд женщины-возлюбленной, женщины-матери, поэтому принципиально важным в этой версии нам видится появление архетипа Богородицы:

*мне верить хочется, что я была красивой,
когда родила сына — вот эта история
про сосуд, в котором мерцает
невыразимая новая жизнь.*

Стихотворение Н. Санниковой исполнено материнской тревоги и одновременно сознания мучительного бессилия «сделать мир лучше и безопаснее для наших детей».

Таким образом, можно подытожить: вопрос традиции и новаторства эксплицируется на современном этапе в обращениях чаще к деконструкции, чем сотворчеству, к трансформациям, чем к восприятию творческих приемов и стратегий, наработанных и проверенных предшественниками.

Интертекстуальные элементы служат деконструкции претекста, но одновременно сигнализируют о рождении нового синтеза морально-этических, гносеологических установок хрестоматийного произведения и актуальной картины действительности.

Вновь создаваемые кавер-тексты, переосмысливая исходный, переоценивая содержащиеся в нем концепты и «шум времени» в свете собственного опыта и личной аксиологии, неизбежно оказываются

ся в пространстве диалога / полилога, и в нем обретают свое место.

ЛИТЕРАТУРА

Загидуллина М. О стихах Н. Санниковой // Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. — Челябинск: Изд. дом «Десять тысяч слов», 2011. — С. 339.

Маниченко А. Проект «Кавер-версия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chelmuseum.ru/news/programma-iii-festivalya-debarkader> (дата обращения: 13.01.2018).

Лоцилов И. Е. «Некрасивая девочка» Н. А. Заболоцкого: функция лексической цитаты // Русский язык в школе. — 2008. — № 3. — С. 46–51.

Лоцилов И. Е. Стихотворение Николая Заболоцкого «Портрет»: тексты и контексты // Филологический класс. — 2014. — № 3 (37). — С. 74–81.

Саломатин А. В. Выражение поэтического кредо в стихах позднего Н. Заболоцкого // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 156. — Кн. 2. — С. 106–114.

Сидоров Е. «Да просто жить...» (Рецензия на книгу Н. Санниковой «Интермеццо. Стихи») [Электронный ресурс] // Урал. — 2003. — № 9. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2003/9/sidor.html/> (дата обращения: 30.05.2018).

Степанов Е. О стихах С. Ивкина // Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. — Челябинск: Издат. дом «Десять тысяч слов», 2011. — С. 312.

Сухих И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! (от Блока до Бродского). — СПб.: Изд. шоуппа «Лениздат», «Команда А», 2013. — 736 с.

REFERENCES

Zagidullina M. O stikhakh N. Sannikovoy // Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004–2011 gg. — Chelyabinsk: Izdat. dom «Desyat' tysyach slov», 2011. — S. 339.

Manichenko A. Proekt «Kaver-versiya» [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.chelmuseum.ru/news/programma-iii-festivalya-debarkader> (data obrashcheniya: 13.01.2018).

Loshchilov I. E. «Nekrasivaya devochka» N. A. Zabolotskogo: funktsiya leksicheskoy tsiaty // Russkiy yazyk v shkole. — 2008. — № 3. — S. 46–51.

Loshchilov I. E. Stikhotvorenije Nikolaya Zabolotskogo «Portret»: teksty i konteksty // Filologicheskij klass. — 2014. — № 3 (37). — S. 74–81.

Salomatin A. V. Vyrashenie poeticheskogo kreda v stikhakh pozdnego N. Zabolotskogo // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. — 2014. — T. 156. — Kn. 2. — S. 106–114.

Sidorov E. «Da prosto zhit'...» (Retsenzija na knigu N. Sannikovoy «Intermetstso. Stikhi») [Elektronnyy resurs] // Ural. — 2003. — № 9. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/ural/2003/9/sidor.html/> (data obrashcheniya: 30.05.2018).

Stepanov E. O stikhakh S. Ivkina // Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004–2011 gg. — Chelyabinsk: Izdat. dom «Desyat' tysyach slov», 2011. — S. 312.

Sukhikh I. N. Russkaya literatura dlya vsekh. Klassnoe chtenie! (ot Bloka do Brodskogo). — SPb.: Izd. shouppa «Lenizdat», «Komanda A», 2013. — 736 s.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Маркова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

E-mail: kaflit353@yandex.ru.

About the author

Tatyana Nikolaevna Markova — a Doctor of Philology, Professor, Head of Literature and Methodics of Literature Education Department, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk).